

Александр
Мамоников

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Т 17

*Ранее книга выходила под названиями
«Придворные отморозки» и «Боевой расчет»*

Тамоников А. А.

Т 17 Люди в черном / Александр Тамоников. — М. : Эксмо, 2014. — 384 с. — (Честь имею. Лучшие романы о российских офицерах).

ISBN 978-5-699-69380-1

Даже если спецназовец и уходит со службы, в душе он по-прежнему боец. Бывший командир отряда подполковник Астафьев снова, как и в старые времена, готов воевать. Так уж сложилось, что он должен освободить заложницу из рук чеченских бандитов. Попав на Кавказ, Астафьев разыскивает своих однополчан и собирает бравую команду. Этот боевой расчет одолеет кого угодно — и чеченских отморозков, и их российских «коллег», с которыми у подполковника свои счеты...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Тамоников А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-69380-1

Часть первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Железные двери центральных ворот, около которых всегда толпился народ, в основном женщины с какими-то сумками, пакетами и робкой надеждой в глазах, отворились. Оттуда в суету женских тел вышли двое мужчин. Еще не пожилых, одетых в одинаковые ватники, сапоги и цигейковые, не по сезону — на дворе был только август — шапки. Мужчины сразу же попали в окружение тех, кто толпился у ворот, так как ни у кого не вызвало сомнения, что зона выбросила к ним отсидевших свое эков. Со всех сторон посыпались вопросы:

— Из какого отряда?

— Кулешова Васю не знали? Из второго...

— А Кулебу?

Много вопросов, но вышедшим из зоны было не до них. Машинально отвечая невпопад, они пробились сквозь живой заслон и пошли улицей, зажатой с одной стороны высоким, с проволочной паутиной забором, с другой — глухой деревянной оградой, за которой виднелись крыши барачного обслуживающего персонала исправительного учреждения и ветви фруктовых деревьев.

Бывшие эки остановились, пройдя метров сто пятьдесят, закурили.

— Ну вот, Серый, и воля!

— Да, воля... — поежившись от пронизывающего ветра, ответил тот, кого называли Серым, — Серов Иван Фомич, оттянувший свои семь лет за разбой.

Подбили его в свое время кореша бомбануть один магазин на отшибе. Бомбанули! И тут же на ментовской

патруль налетели, а Гвоздь — мудака, еще и обрез вытащил. Вооруженное сопротивление при задержании заработало ни на чем, а вдогонку и пару лет кичмана на каждого. Гвоздю, тому червонец врубили, а ему, Серому, за то, что даже в магазин не вошел, а только рядом стоял, семерик! И без базара! Групповуха!

И теперь вот — воля, такая долгожданная там, за запреткой, и какая-то обыденная сейчас, здесь, на мокрой улице...

— Куда дальше? — спросил Малой — Большаков Евгений Александрович.

Молодой крупный и крепкий парень, он на прежней зоне имел погоняло К-700 за свою непомерную силу. Здесь его назвали Малой, чему сам Евгений был не против. По жизни он был сиротой, воспитывался в детском доме, из которого его определили на курсы трактористов и отправили по окончании в один из разваливающихся и спивающихся колхозов. Там Евгению понравилась одна девушка. Но вот беда, за ней ходил местный деловой. А девушка потянулась к Евгению. Деловой со своими делопутами решил проучить наглого чужака, заманив его как-то за деревенский клуб. И «проучил»! Сам-то ушел в сторону, а вот двое его корешей так и остались лежать замертво на песке после двух сокрушительных ударов Жени Большакова. Ему бы остановиться на этом, дураку, но Женя принадлежал к той категории людей, которых лучше не «заводить». А его «завели». И вскоре у реки к лодкам был прижат местный деловой. Хоронить его не пришлось, река унесла тело местного авторитета, никакие поиски не помогли. А Большакову дали восьмерик, по совокупности, учитывая первую судимость и смягчающие обстоятельства, выявленные по ходу следствия!..

— Знать бы, Малой... — Серый осмотрелся.

Осенний неприветливый пейзаж, ветер и начинающийся дождь настроения не прибавляли. Не то что вчера, когда они с братвой затеяли отвальную. Вчера за ведром чифирия все представлялось в ином свете, а глав-

ное, была уверенность в том, что завтра все изменится. Впереди — воля, а что может быть желанней для ээка?

И теперь вот она, воля, перед ними, уходящая вперед и назад грязной улицей, смотрящая на них нависшими свинцовыми тучами и окропившая первыми каплями мелкого дождя. Воля!

Бывшие ээки, натянув поглубже шапки, двинулись в сторону центра поселка, туда, где была хоть какая-то жизнь и не было этой обвисшей с черных длинных жердей ржавой проволоки. Как не было и угловой вышки, с которой за ними, словно они до сих пор являлись объектом охраны, закутавшись в плащ-палатку, внимательно следил часовой.

Они приближались к станции, когда им навстречу вышел дед с широкой окладистой бородой. Он вышел так же, как и они, из-за поворота. В длинном плаще с капюшоном, частью скрывающем лицо. Шел он по стороне, где остановились прикурить бывшие ээки. Серый и Малой заметили его, но внимания не обратили. Идет себе дед, ну и пусть идет! Но тот около них остановился. Осмотрел взглядом колючим, цепким. Спросил неожиданно крепким, далеко не старческим голосом:

— Ну что, бродяги, откинулись?

— Откинулись! — ответил Серый.

— Это хорошо! Долго чалились?

— Тебе, старый, какое дело до этого? — в разговор вступил Малой.

— Ты прав, паря, никакого! Только я там, — указал дед в сторону зоны, — червонец свой от звонка до звонка отмотал! Но базара нет, не хотите говорить — за язык не тяну. Дело ваше. Вы теперь птицы вольные, летите, куда нелегкая занесет!

Сказав это, он повернулся, собравшись продолжить свой путь, но его остановил Серый:

— Дед! Погодь! Побазарим!

Дед остановился.

— Эх, горемыки! Под дождем базарить будем али, может, ко мне в хату пройдем, она тут недалече?

Услышав столь привлекательное приглашение, Серый с Малым почти в один голос ответили:

— Да на хате было бы ловчее!

— Ну, так пошли! Краем тропы идите, чтобы грязь за собой не тащить!

Троица, ведомая дедом в плаще, свернула в переулок.

Хата имела две небольшие комнаты, одна из которых служила кухней, а другая была разделена надвое настоящей русской печью собственно на комнату и занавешенную цветными занавесками спальню. Были еще сени, метр на три, с выходом на покосившееся крыльцо. Все это, крытое латаной-перелатаной шиферной крышей, и составляло жилище деда Ефима, как представился старик у входа. И все же это был уже дом, крыша над головой. Место, где можно раздеться, согреться, обмыться, просушиться. Выспаться, наконец!

— Проходите, — дед Ефим указал на лавку возле печи. — Скидавайте все, что промокло, — я тут поищу кое-какой скарб, на время приодеть вас.

— Холодно будет, — заметил Серый.

— Не волнуйся. Это я печку не топил, два дня дома не был. Зарядим печку, до трусов разденетесь!

Старик из-под кровати, стоящей за занавесками, вытащил сундук, открыл его, и к лавке полетели штаны, рубахи, майки, свитера.

— Переодевайтесь! И давай один со двора из-под навеса дрова таскать. Топить хату будем!

Вскоре в избе стало жарко, даже форточку приоткрыли. После того как бывшие зэки обмылись над широким ржавым корытом, они уселись на лавке друг рядом с другом. Истома охватила их. Еще выпить бы и пожрать, да баб каких-никаких.

Дед словно читал их желания. Да и ничего в этом странного не было — сам прошел то же самое, сам из бывших зэков. А значит, с понятием, братву всегда поймет! Ефим накрыл на стол — чашку с дымящимся картофелем, пару селедок, консервы, крупно порезанный

кусок сала, лук, чеснок, хлеб и соль. Посередине выставил две бутылки с самогоном.

— Давай, братья, налегай на то, что бог послал. Угощайтесь. Самогон — первач, почти спирт, аккуратней. Дряни нет, напряги с ней сейчас в поселке.

Выпили, закусили, закурили.

Серый спросил:

— А вообще, что за житуха сейчас?

— Это смотря о чем ты спрашиваешь, — ответил, прищуриль глаз, дед Ефим, который лишь пригубил свой стакан.

— О том, что вот волю дали, а куда с ней? Что за жизнь кругом? Мы же ее через клетку и видели.

— А что жизнь? — отвечал дед Ефим. — Она для кого как обернется, кому фарт выкинет, кого в обратку на кичу кинет. Аль не знал этих истин?

— Знать-то знал. Я вот о чем, дед! Мы с Малым здесь, на зоне, слышали, что некоторые, как откинутся, на «рыжье» в тайгу уходили. В артели там разные. Правда это?

— Дома-то что, никто не ждет?

— Где он, дом этот? Был, да весь вышел, — ответил Серый. — Моя с другим живет, семья, вишь ли, у них. Туда дороги нет! А Малой — сирота, как паспорт получил, так и сел. Нам ехать некуда!

Малой поддержал товарища:

— Никто нас, дед Ефим, не ждет. Мы на зоне уже думали, решили, если получится, за эти места зацепиться.

— А кто тебе помешать может? Человек живет, где хочет! Хочешь жить здесь — живи, хочешь — кати на юга, ты свободный человек!

— Ну кто знает, может, тута какие свои особые законы?

— Законы для всех везде одинаковые, запомни это, паря. А вот насчет работы... — старик задумался, скрутил сигарку, закурил.

Серый и Малой смотрели на него.

Пауза затянулась надолго. Наконец дед Ефим спросил:

— Работу, значит, рассчитываете тут найти? В тайге-то самой хоть раз были? Жили в ней? Знаете, что это такое?

— Откуда? Не приходилось, — ответил Серый.

— То-то и оно, что не приходилось. Тайга — это, брат, тебе не просто лес! К себе она легко пускает, вот только обратно отдает с трудом! Тайгу понимать надо! И привычку таежную иметь!

— Привычка со временем приходит. После колючки ко всему привыкнуть можно!

— Можно! Согласен! Только не любит тайга чужаков.

— Так помоги, вразуми, научи! За нами не станет, я верно говорю, Малой?

— Верно!

— Ладно! Поглядим! Не пьяный это разговор. Вы давайте, расслабьтесь пока. Чего сразу о делах? В себя придите. Зона, она тоже долго от себя отпускает!

Он разлил по стаканам спиртное:

— Давай, братва, за тех, кто там, за колючкой, остался. За тех, кто срок свой тянет!

— Давай, дед Ефим! Правильные слова говоришь. За тех, кто на зоне!

Выпили. Молча закусили. Малой откинулся с блаженной улыбкой на теплую стену печки:

— Спасибо тебе, дед, за хлеб, за соль, за приют. Все ништяк! Одну бы просьбу...

— Говори, чего замялся?

— Да ты сам должен понять. Столько лет и без бабы! Нельзя ли тут, дед, шалав хоть каких найти? Платить нечем, но, может, кто так, из тех, что без мужиков живут! А, дед? С этим можно че придумать?

— Баб вам? — дед неожиданно улыбнулся.

— Ты чего? — спросил Малой.

— Да так! Вспомнил, как сам вышел. Напомнил ты мне кое-что! Ну да ладно! Вы пока тут пейте, отдыхайте,

найду я вам баб, надолго запомните. Только глядите, от первача под стол к приходу дам не свалитесь!

— Ну ты че, в натуре? Все будет ништяк! Мне бы потолще, дед, а? Не жлыгу шпальную. Это Серому по херу какую, а я толстущек уважаю, постарайся, дед Ефим.

— Какие будут. Пошел я. Организую вам бордель, кувыркайтесь. У меня дела, буду часов в одиннадцать. Двери со двора на вертушку прикроете. Баб на ночь не оставлять, да я их сам предупрежу, со стола все уберете. Если еще выжрать захотите — там, в сенях за лавкой, еще литр. Найдете!

— Ну, дед Ефим, спасибо тебе! Настоящий мужик, в натуре! Не забудем, — провожал старика Малой в предвкушении скорого разврата.

— Поглядим! Из дома ни ногой. Не вздумайте по улице шараться, а то воля в момент кончится, менты здесь хуже псов цепных. Предупреждаю! Да и меня подставьте, коли сторите. Дома кайфуйте, горемыки!

— Базара нет! Сделаем, как сказал, отвечаю! — Малой приложил руку к сердцу, закрывая за дедом дверь.

Ефим вышел на улицу, накрылся все тем же плащом с капюшоном под усилившимся дождем и повернул к центру поселка.

Недалеко от церкви он подошел к дому с покосившейся калиткой, вошел во двор. К нему метнулся лохматый и злоющий пес по кличке Бес. Узнал гостя, спрятал клыки, завилял хвостом, гремя огромной длинной цепью.

Дверь дома открылась, в проеме показалась широкая прыщавая физиономия женщины лет сорока.

— Кого это там принесло? — спросила она.

— Не узнала, Зинка?

— Дед Ефим? Чегой-то решил наведаться?

— А то не знаешь? Ну хорош базарить, в дом думаешь приглашать или хахаля какого пригрела?

— Хахаля! Скажешь тоже! Только ты и можешь помочь бедной женщине в таких делах, проходи!

Дед Ефим прошел в сени, снял плащ, сапоги, вошел

в комнату, где, как обычно, все было разбросано. Неопрятное жилище неопрятной женщины. Старик сделал ей замечание:

— Зинка! Ты хоть бы в собственной хате порядок навела! Живешь, как в свинарнике, в натуре. Ладно бы мужик, но ты же баба!

— Ты че, стыдить аль учить меня жизни явился, старый хрен? Али еще чего надобно? Если мозги мне сношать, то вали отседа. Кому какое дело, как я живу? Как хочу, так и живу, понял? На остальное мне плевать! Так с чем пришел, Ефим?

— Ладно! Жаль, разувался.

— Ничего твоим портянкам не будет, так говори, я слушаю тебя!

— Живи ты, Зинка, как знаешь! А к тебе дело есть, работа!

— Что за работа?

— Ну не придурайся.

— И все же? Интересно мне, спасу нет!

— У меня дома два бывших зэка, только из зоны откинулись. Теперь поняла, что за работа?

— Как не понять? — заулыбалась Зинка. — Изголодались твои гостюшки?

— Изголодались!

— А я должна прихоти их исполнить, так?

— Кончай паясничать, а то я могу и рассердиться! — повысил и так громкий голос дед Ефим. — А со мной, Зинка, шутки плохи!

— Ну ладно, ладно, не дашь даме поломаться для приличия!

— Возьми с собой Ленку или Муху и чешите ко мне на хату, на случку, сучки!

— Сучки?! Слова бы подбирал! Оплата?

— Договоримся!

— Надеюсь, концы у мальчиков в порядке? Не обмылки?

— В порядке! Как раз под ваши размеры. Да еще с сюрпризами!

— Вот это я люблю! Сюрпризы — это вещь! Бухалово есть или свое взять?

— Есть, чтобы целый день куролесить!

— Все поняла! Считаю, уговорил, черт старый!

— Уговорил? Да ты за этим делом без всяких уговоров полетишь, как бешеная. Знаю тебя, шалаву!

— Ты давай, дед, иди! Мне еще себя в порядок привести надо!

— Давай, но запомни: кого ты там с собой возьмешь, мне без разницы, и что вы вытворять там будете, тоже, но чтобы без визга и шума. Чтобы до соседей ничего не дошло, поняла?

— Поняла, поняла, в первый раз, что ли?

— И учти, в одиннадцать бабы из дома вон! И мужиков за собой не тащить! Предупреждаю. Не дай тебе бог, Зинка, ослушаться, старшой там будешь! С тебя и спрошу! Собирайся и вперед, работать, невеста!

С этими словами дед Ефим вышел из дома проститутки. Кислый запах ее пропитой хаты сменился свежим порывом чистого осеннего воздуха. Ефим немного постоял, жадно вдыхая этот чистейший, пьянящий аромат приближающейся осени.

С этим решено! Теперь надо к «бугру». А это на противоположный конец поселка. Но делать нечего. Времени навалом, можно не спешить. Он перешел улицу, свернул в узкий проход, направляясь в сторону реки. Ефим пошел задом, чтобы зайти в нужный дом с тыла, от глаз подальше.

Добротный дом на излучине встретил его скользкой, поднимающейся от деревянных мостков ступенчатой дорожкой. Сюда, в этот неприветливый дом, он всегда приходил со стороны реки и всегда с трудом преодолевал эту земляную лестницу, не забывая помянуть ее парой крепких словечек из своего богатого лексикона.

Сегодня подниматься было труднее, ступени были мокрыми, и если бы не проволочные поручни, неизвестно, добрался бы вообще наверх старый Ефим. Отто-

го и был он в мрачном расположении духа. Пацана нашли по лестницам лазать.

Выйдя на площадку, Ефим оглянулся, выругался:

— Черт, злодерьмучка проклятая, так и смотри, чтоб не скovyрнутья вниз. А слова, блин, не скажи! Так принято! Эх, горе наше тяжкое!

Отдышавшись, дед прошел во внутренний двор, обнесенный высоким деревянным забором с двумя рядами колючей проволоки поверху.

Эта проволока всегда вызывала у деда Ефима одну и ту же реакцию:

— Как на зоне, в натуре!

Но и лестница, на которой ему приходилось корячиться, и проволока, протянутая по забору и сильно раздражавшая деда Ефима, и те ругательства, которые он беспрестанно повторял, поднимаясь в этот дом, всегда относились только к вещам, но никогда к тому человеку, который и придал всем этим вещам настоящее положение, — хозяину дома — угрюмому Якову Петровичу Голонину.

И хотя по годам Ефим и Яков были почти ровесниками — обоим было около восьмидесяти, Яков Петрович всегда был старше. И раньше, на зоне, и потом, на поселении. Был он старшим и сейчас, когда с тех пор утекло много воды. Старшим по своему положению. И это Ефим безоговорочно принимал и такому раскладу подчинялся.

Старый кобель Дозор при появлении деда Ефима даже не вылез из своей сухой будки, лишь проводил одним своим красным глазом гостя, вновь уткнувшись мордой в лапы.

Ефим открыл двери сеней, прошел до середины, нащупал в темноте ручку двери, ведущей в жилую часть, открыл ее.

За длинным столом сидел Яков, рядом суетилась то ли его внучка, как утверждал сам Голонин, то ли девка какая приبلудная — точно никто в поселке не знал. Звали эту длинноногую, тощую, как жердь, плоскую по

всем статьям деваху без возраста Настей. Ее как-то привез из Верхотурска бывший зэк и знатный охотник Яков Петрович Голонин, один из немногих в крае прилично знающий тайгу и ее скрытые тайны. А это, считай, не одна тысяча гектаров девственного леса, с его болотами, реками, утесами и звериными тропами.

— Здорово будь, Яков Петрович, — поздоровался дед Ефим, зайдя в горницу.

— И тебе того же, проходи, присаживайся, время полдничать, — стрелки на старой «кукушке» рядом с образами действительно вплотную приблизились к полудню. — Настя! Принеси поснедать гостю дорогому, да графин не забудь! Давай, поживее, — Яков Петрович шлепнул свою родственницу по тощему заду, — а потом иди к тетке Матрене, поможешь ей.

— Но, дядя Яков! Я хотела...

— Я тебе чего сказал? А? Не поняла, дура? После Матрены сделаешь, что хотела.

— После поздно будет, — надулась Настя.

— Переживешь! Ну, чего встала, как струя на морозе? Шевели мослами, пока я тебя вожжами не подогнал!

Женщина внесла второй прибор для Ефима, выставила, как и велено было, графин с водкой и две рюмки.

Яков Петрович глянул на старого знакомого.

— Давно, Ефим, не встречались!

— Недели две!

— Да? А мне казалось, больше. Но все одно, давай по стопарю, за встречу!

Выпили, начали обед из старинной посуды, непонятно каким образом оказавшейся у Якова.

Отодвинув пустую тарелку из-под первого, Яков сказал:

— Чую я, новость у тебя ко мне?

— Есть маленько!

— Ну? Говори!

— Помнишь, ты говорил, что нужно пару человек из зоны встретить?

— Конечно, помню!